

нее поэтического синтаксиса Кантемира, она написана гладко и усвоила (как и вся дальнейшая русская сатира) лишь просторечие сатирика. Межстиховые переносы ограничены рифмующимся двустижием, и только один раз фраза переходит в следующее двустижие. В тексте не ощущается привычная у Кантемира классическая подкладка, а в примечаниях нет и следа его блестящей эрудиции. В «Сатире на скупого человека» инверсий и переносов нет, нет и неясных синтаксических мест, только в сатире на пьяниц много переносов, но в целом «стихотворного наречия» Кантемира нет и здесь. К тому же у Кантемира «переносимая» часть синтаксической единицы более краткая (обычно не доходит до цезуры) и меньше связана по смыслу с последующим текстом. Именно такой тип переносов был позднее «несносен» и «противен нежному слуху» Тредиаковского.²⁰ Обе сатиры, кстати, написаны в семинарской среде, где латинские штудии были в программе, но это никак не повлияло на верное воспроизведение стиля Кантемира.

Издания сатир 1762 и 1956 гг. — это прежде всего зафиксированное прочтение и понимание текста. И. Барков, как известно,²¹ исправлял слог и синтаксис по своему вкусу и в соответствии с литературной нормой своего времени, устраняя как отдельные церковнославянизмы, так и некоторые просторечные слова. Изд. 1956 стремилось авторский текст сохранить, но, как было показано ранее, не приняло ряд сложных чтений. Кстати, и это издание поновляло лексику: так, вместо «посмешка» академического списка 1755 г. в изд. 1956 читаем «насмешка», вместо «странноприимство» — «гостеприимство», вместо «похлебник» (т. е. льстец) другое по смыслу слово «нахлебник», вместо «подошево» — «подошва», вместо «чоколад» — «шоколад» и др.

Можно назвать две причины невосприятия поэтического стиля Кантемира в XVIII в. Об одной было уже сказано в самом начале статьи. Простота стиля его сатир — это видимая простота. В действительности поэтический язык Кантемира элитарен. Добиться такой простоты при истинном подражании можно лишь колоссальным трудом и то при наличии образованности, равновеликой той, что была у Кантемира. Его элитарный стиль был реакцией на «неприятную монотонию» старой силлабики, на стихотворную продукцию, например, Иоанна Максимовича, о котором и высказался пренебрежительно, и других поэтов, пишущих, «стоя на одной ноге». И Кантемир был не одинок в своих оценках. Несколько ранее Феофан Прокопович писал одному из знакомых, что «в академии стихотворствуют до тошноты». Сам Феофан ушел в поэзию для себя, недаром XVIII в. не знает Прокоповича-поэта — о его стихах не упоминают ни В. К. Тредиаковский в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», ни Н. И. Новиков в «Опыте историче-

²⁰ См.: *Тредиаковский В. К.* Соч. и переводы. СПб., 1752. Ч. 1. С. 109; *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. С. 346.

²¹ См.: *Моисеева Г. Н.* Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 г. // Рус. литература. 1967. № 2. С. 102—115.